

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 49–58.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 1 (86):49–58.

Научная статья

УДК 930.2

DOI 10.37724/RSU.2025.86.1.005

Советская региональная газета: отражение или искажение действительности? Прологомены к источниковедческому анализу

Никита Вадимович Тихомиров

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Целью статьи является выработка теоретических положений, которые могут служить предварительному осмыслению газетной периодики СССР как информативно значимого исторического источника. Приведенные рассуждения призваны развить положение о том, что советская пресса при свойственной ей ангажированности не только конструировала, но и особым образом отражала историческую действительность. Объектом исследования выступает региональная периодика советской России 1920–1930-х годов. Автор доказывает ошибочность и методологическую несостоятельность попытки дать оценку информационного потенциала советской общественно-политической прессы как единого, монолитного явления. Приведено теоретическое обоснование необходимости выявлять эвристические возможности конкретного печатного органа во временном и географическом контекстах, а также в связи с частными проблемами исторического исследования. Показано, что установление информационного потенциала периодической печати при решении конкретных познавательных задач обусловлено способом представления исторической действительности при формулировании объектно-предметной области исследования. Наибольшую информационную отдачу обеспечивает источниковедческая критика указанных материалов при рассмотрении общественной системы СССР на микроуровне (локальные сообщества). Отмечена характерная для такого подхода логика подбора и работы с материалом, отличная от логики изучения макропроцессов в рамках классической социально-политической историографии. Сделаны выводы о перспективности привлечения региональной советской прессы для информационного обеспечения научных изысканий в таких отраслях, как региональная история, история повседневности, микроистория. Научные результаты, представленные в работе, призваны расширить теоретико-методологические представления о газетной периодике СССР как историческом источнике, наметить возможные пути дальнейшего ее освоения в рамках исследовательской практики.

Ключевые слова: газета, исторический источник, история повседневности, микроистория, периодическая печать, СССР.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. Советская региональная газета: отражение или искажение действительности? Прологомены к источниковедческому анализу // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 49–58. DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.005.

Original article

Soviet regional newspapers: reflection or distortion of reality? Prolegomena to source analysis

Nikita Vadimovich Tikhomirov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

tihomirov_n@rambler.ru

Abstract. The aim of the article is to elaborate theoretical provisions that can help to understand that the USSR newspaper periodicals were an informatively significant historical source. The considerations are intended to develop the position that the Soviet press, with its inherent bias, not only constructed, but also reflected the historical reality in a special way. The object of the study is the regional periodicals of Soviet Russia in the 1920s–1930s. The author proves the fallacy and methodological inconsistency of the attempt to evaluate the information potential of the Soviet socio-political press as a single and monolithic phenomenon. The author provides theoretical justification for the need to identify heuristic possibilities of specific periodicals in temporal and geographical contexts, as well as in connection with private problems of historical research. It is shown that the establishment of the information potential of periodicals in solving specific knowledge-related tasks was conditioned by the way of presenting historical reality in the formulation of the object-subject area of research. The greatest informational efficiency is provided by source criticism of these materials when considering the social system of the USSR at the micro-level (local communities). We differentiate between the logic of selecting and developing materials, characteristic of this approach and differing from the logic of studying macro-processes within the framework of classical socio-political historiography. The conclusions drawn define the prospects of using regional Soviet press for information support of scientific research in such fields as regional history, history of everyday life, and microhistory. The research findings presented in the paper are intended to expand theoretical and methodological ideas about newspaper periodicals of the USSR as a historical source, to outline possible ways of further research practice.

Keywords: newspaper, historical source, history of everyday life, microhistory, periodical press, USSR.

For citation: Tikhomirov N. V. Soviet regional newspapers: reflection or distortion of reality? Prolegomena to source analysis. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 1 (86):49–58. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.005.

Введение

Ключевой задачей любого исторического исследования является обеспечение его представительной базой источников. Приращение знаний о прошлом обусловлено как включением в научный оборот новых источников, так и повышением информационной отдачи уже известных. Современные историки в поисках материалов, содержащих информацию об исторической действительности, привыкли смотреть предельно широко, не ограничиваясь формальными условностями. Уже С. О. Шмидт писал о предпочтительности такого понимания исторического источника, которое охватывает не только плоды деятельности человека, но и естественно-географическую среду [Шмидт, 1997, с. 36].

Сложно сказать, на какие памятники прошлого не обращали еще внимания исследователи. Однако эвристические возможности некоторых видов источников остаются не вполне выясненными. К числу таковых относится периодическая печать, в частности газеты. И в особенности газеты советские. Значительной частью ученых советская пресса долгое время воспринималась как мало-пригодная в качестве исторического источника [Каменская, 2017, с. 42] даже для решения частных проблем. По мнению ряда авторов, она «никогда не являлась зеркалом, отображающим действительность, да и не ставила перед собой такие задачи» [Данилевский, Кабанов, Медушевская, Румянцев, 1998, с. 624]. К настоящему времени подобные воззрения определенно устарели, и периодика советской эпохи включается исследователями в источниковую базу изысканий, посвященных различным проблемам отечественной истории минувшего столетия.

Наша работа направлена на расширение и уточнение теоретических представлений об информационном потенциале газетной печати СССР. Конечно, охватить это явление в его многообразии в рамках статьи не представляется возможным. Поэтому мы сузим границы рассмотрения и будем основывать наши умозаключения на данных периодической печати РСФСР 1920–1930-х годов.

Основная часть

Итак, может ли информация, почерпнутая из газет, способствовать приращению научного знания, будучи использованной для воспроизведения исторической действительности?

В научных публикациях советская пресса часто упоминается как нечто единое. Источниковедческие труды мало уделяют внимания исследованию структурной организации данного явления и как следствие лишь поверхностно затрагивают вопрос об информационном потенциале советской

газеты. Последняя нередко понимается как инструмент управления массовым сознанием с целью конструирования заданных представлений о действительности. Такое понимание справедливо, но лишь отчасти. Действительно, «огосударствление» печати большевиками превратило ее в орудие тотального контроля в руках партийно-правительственных структур. Однако функционал советской газеты не может быть сведен к исключительно пропагандистскому воздействию. Такая крайность в оценке проистекает из упрощенного рассмотрения периодики как полностью изоморфной для всего советского хронотопа, когда все существовавшие издания понимаются неизменно тождественными по структуре и содержанию. Иначе говоря, негативистский подход не учитывает пространственно-временных параметров, определявших качественное (содержательное) своеобразие изучаемого явления на разных этапах его исторического бытия. Тогда как эти параметры имеют принципиальное значение при определении познавательного потенциала конкретного издания.

Следует учитывать, что, во-первых, функционал советской прессы менялся по мере эволюции общественно-политической системы. Во-вторых, ее функции никогда не были полностью едиными для печатных органов разных уровней — союзного, республиканского, регионального (местного). Следовательно, теоретические обобщения относительно информационных возможностей советской газетной периодики являются сомнительными. Вдумчивый источниковедческий анализ требует уточнения: о каком конкретном издании, в какой исторический момент ведется речь.

Тезис о монопольном использовании печати в СССР партийно-правительственным аппаратом для формирования образа мыслей граждан является трюизмом. Но достаточно ли такой констатации для понимания предмета? Определенно нет. Общественное сознание имеет несколько уровней, соответствующих тому, как идентифицирует себя его носитель. Всякий советский человек был не только гражданином Союза ССР, но и обывателем какой-либо области, города, села и т. д. Потому региональная повестка всегда дополняла, если не перекрывала временами, общесоюзную.

В контексте обсуждаемой проблемы может возникнуть скептическое замечание, что задача общественно значимых сведений на всех уровнях советской системы была подчинена единым принципам, определявшим существование массовой прессы в условиях государственной цензуры и монополии на информацию, а потому рассуждение о различиях между центральными и местными органами печати якобы лишено смысла. С этим нельзя согласиться.

Безусловно, газетные редакции в СССР вплоть до последних лет его существования подчиняли свою работу требованиям партийности, что выражалось в ограниченности тематик и единообразии оценок. Однако идеологическая ангажированность советской печати (а она, стоит заметить, присуща прессе как таковой, в том числе многим иным видам письменных источников) не отменяет ее возможности к отражению действительности. Так же, как, например, высокий уровень предвзятости источников личного происхождения не создает повода отказывать в эвристической значимости личным дневникам, воспоминаниям и эпистолярным комплексам, активно вовлекаемым сегодня в исследовательскую практику.

В данной работе мы обращаемся к региональным изданиям РСФСР 1920–1930-х годов. Это время стало переходным периодом, когда на территории советской России складывались новые общественно-политические отношения. Что, как и почему освещали региональные газеты в этот период? Внятно ответить на поставленный вопрос невозможно без обозначения историко-культурного контекста, в котором происходило развитие советской периодической печати. На 1920-е годы пришлось начало широкого культурного обновления — перестройки труда, досуга, быта и других сторон повседневной жизни людей. Модернизация общественной системы происходила в условиях послевоенной разрухи и революционной сумятицы: институциональные основы социалистического строя не были сформированы, сознание населения в значительной мере не было готово к восприятию радикальных новшеств.

Советское общество складывалось в условиях крупномасштабного культурного перехода. Этим определялась и логика развития периодической печати. Ф. К. Ярмолич характеризует большевистскую политику в этой области как выстраивание информационного поля, способного обеспечить «оптимальные отношения» между государством и обществом [Ярмолич, 2017, с. 74]. В таком подходе содержится важный теоретический посыл: советская пресса амбивалентна по своей природе, она позволяла передавать информацию от государства гражданам и обратно — от граждан государству. Это не означает, что обыватели оказывали ощутимое влияние на политические решения. Но освещение прессой насущных проблем населения способ-

ствовало выработке и корректировке таких решений. Не на союзном уровне, но на нижних этажах административной системы, где осуществлялось управление локальными общественными процессами, и реагирование на социальные вызовы было более гибким.

Общественно-политическая пресса в 1920-х годах пребывала в процессе становления. В эту пору П. М. Керженцев отмечал, что работа печати тормозилась «отсутствием опытных газетных работников и незнакомством большинства пишущих товарищей даже с основами газетной техники» [Керженцев, 1919, с. 10]. Эта проблема закономерно усугублялась от центра к периферии, где подходящие кадры исчислялись порой единицами. Например, штат газеты «Автономная Якутия» в 1922 году включал только редактора и нерегулярно работавшего секретаря [Автономная Якутия, 1922, № 70, с. 2], и в дальнейшем ситуация не намного улучшилась.

В содержательном наполнении региональные газеты отчасти следовали в русле общесоюзной повестки. Это касалось вопросов мирового, общесоюзного и общереспубликанского значения. Например, каждая многотиражка давала информацию о международных делах, воспроизводя сюжеты и оценки центральной печати. То же касалось крупных событий партийно-государственной жизни и знаменательных событий, таких как экспедиция «Челюскина». Однако такой материал составлял менее половины публикаций газетного номера.

В сравнении с центральными изданиями, региональные существовали в куда более затруднительных условиях. Редакции на местах обладали весьма скромными вещественными и организационными возможностями и, как правило, не имели подготовленного корреспондентского кадра. Потому проблема получения актуальной информации во многих случаях решалась путем привлечения корреспондентов из народа — рабкоров, селькоров и др. Это сказывалось на перечне освещавшихся вопросов. Влияние на тематику и содержание материалов оказывал фактор местности. Так, газета «Советская Сибирь», орган Сибирского краевого исполкома, многие публикации посвящала жизни промышленных центров региона, в первую очередь Новосибирску. В то же время орган горно-алтайского обкома «Ойротский край» был сосредоточен преимущественно на быте местного сельского населения.

В ряде местностей деятельные граждане, славившие письма в редакции газет, были едва не единственными источниками сведений о состоянии дел в области быта, нравов, общественных настроений, правопорядка и др. В таких случаях пресса нередко выступала связующим звеном в отношениях общества и органов советской власти. Например, газета «Автономная Якутия» регулярно печатала короткие сообщения о том, что обращения читателей направлены в уполномоченные инстанции либо что от последних получены ответы по таким обращениям [Там же, 1923, № 144, с. 2 ; 1926, № 124, с. 3 ; 1929, № 5, с. 3].

Сообщения народных корреспондентов часто были свидетельствами живой повседневности, не отразившимися в официальной документации своего времени. С точки зрения больших процессов, протекавших в масштабах страны, такая информация не имеет значения как обладающая ничтожной представительностью. Исследование становления советской экономической системы, институциональной структуры советской власти или других вещей подобного порядка требует сведений, характеризующих динамику макропараметров социальной системы и связанных с ними факторов. Другое дело — изучение обыденности, того, что составляет событийную ткань исторического процесса и осуществляется на микроуровне общественной организации. Такой подход осуществляется в иной логике постановки проблемы, подбора источников и работы с ними. Это обстоятельство надлежит учитывать при решении вопроса об эвристических возможностях советской прессы (и газетной печати вообще).

Итак, вопрос об информационном потенциале газетной печати СССР как явления, взятого целиком (в качестве единого объекта), некорректен. Делать выводы источниковедческого порядка можно и нужно применительно к отдельному изданию и в связи с определенной познавательной проблематикой. Широкие обобщения в данном случае неуместны и методологически вредны, поскольку отвлекают исследователя от представления о конкретном содержании газетных публикаций. Знание о формально-видовых особенностях советской прессы как таковой, безусловно, важно в контексте решения задач классификации письменных источников соответствующего периода. Такого рода процедуры служат выработке у историка предварительного понимания подходов к работе с материалом. Но они не способны раскрыть эвристической ценности отдельно взятого издания, дать внятного представления о возможностях его применения в исследовательской практике.

Всекие априорные умозаключения следует отринуть как спекулятивные. Высказывания вида «такой-то класс источников пригоден (не пригоден) для изучения такого-то предмета», хотя содержат известную долю истины, в общем являются несостоятельными. Подобные суждения неявно содержат посыл о мнимой предопределенности тематики исследования изучаемым материалом. По этому поводу А. Я. Гуревич справедливо отметил: «Источники сообщают историку только те сведения, о которых он эти источники вопрошает. Наивно и глубоко ошибочно распространенное представление, будто материал исторических памятников подсказывает исследователю его сюжеты. Памятник нем и невыразителен до тех пор, пока исследователь не задаст ему свои вопросы» [Гуревич, 2005, с. 436].

Эвристические возможности источника всегда относительны. Эта максима логически выводима из коренных положений современной неклассической модели научного знания, связанной с принципиальным отказом от универсалистских и объективистских установок. Решение вопроса об информационном потенциале документа (или документального комплекса) должно иметь диалектический характер: познавательный интерес исследователя надлежит соотносить с оценкой содержания конкретного материала. Для историка возможны разные стратегии работы, в зависимости от того, какое место отведено данному памятнику в системе источников, привлеченных им для исследования.

Если, по логике автора, газетные публикации выполняют в его труде вспомогательную функцию, то установление их информационного потенциала не представляет большой проблемы. В таком случае указанные материалы привлекаются преимущественно для иллюстрации положений, выведенных на основе анализа других, более представительных, документов. Решение такой задачи не предполагает основательного изучения массива периодики за некоторый период — отдельные заметки могут быть удачно использованы *ad hoc*. Например, К. Шлэгель в труде, посвященном умонастроениям и повседневности советских граждан в 1937 году, не единожды обращается к материалам прессы [Шлэгель, 2011, с. 189–191, 547–548, 555–557], и всякий раз это использование удачного примера из центрального печатного органа: «Правда», «Огонёк» и др. Автор обзревает и анализирует общие тенденции в социально-культурном развитии СССР, что не предполагает углубленного разбора газетного материала, тем более ниже общесоюзного уровня. Схожей стратегии в работе с периодикой придерживается Н. Б. Лебина в труде, посвященном советской повседневности 1920–1950-х годов [Лебина, 2015, с. 173, 217–218, 383, 411–412]. Исследователь придает большое значение сообщениям газет, но привлекает их свидетельства окказионально, в качестве показательных примеров описываемых тенденций. Сами же газетные публикации не формируют информационного массива, который служил бы формированию представлений о рассматриваемых явлениях.

В обоих случаях (как и во многих других) авторский подход к использованию газетного материала имеет преимущественно дедуктивный характер: сообщения тех или иных изданий ситуативно задействуются в целях подкрепления ранее сформулированного положения. Такой образ действия, безусловно, не является следствием заведомо пренебрежительного отношения к эвристическим возможностям газетной печати. Он подсказан задачами исследования, под которые всегда собирается база источников и выстраиваются логические связи между ними. Ясно, что изучение процессов и явлений в большом, общестрановом, масштабе делает методологически неуместным скрупулезный анализ газетной периодики. Познание больших сущностей требует привлечения обобщенных сведений, отражающих историческую действительность на сравнительно высоком уровне (макроуровне) общественных отношений: институциональном, сословном, классовом, национальном и т. д. Газета же, тяготеющая к запечатлению частных сторон жизни общества в конкретный момент времени, неизбежно уводит исследователя от подобного рода объектов. Таким образом, с точки зрения проблем событийной истории, которая имеет своим предметом взаимодействия в макросистемах, газетная печать оказывается малоинформативным источником.

Совсем иначе обстоит дело при переносе исследовательского внимания на микроуровень общественной системы: обращение к материалам прессы подсказано иными задачами, а их включение в работу историка имеет другие предпосылки. Это касается, прежде всего, таких областей познания, как микроистория и история повседневности. Предметом изучения последней служит «сфера человеческой обыденности во множестве историко-культурных, политико-

событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [Пушкарева, 2008, с. 3]. Согласно Н. Л. Пушкаревой и С. В. Любичанковскому, ключевым в определении феномена повседневности выступает регулярно повторяемое [Пушкарева, Любичанковский, 2014, с. 8]. Этим предопределяется подход в использовании ключевого метода исторического познания — описательно-повествовательного. Его применение в этом случае производится в логике того, что К. Гирц определил как «плотное описание» [Гирц, 2004, с. 11–13], способствующее погружению наблюдаемого объекта в социально-культурный контекст. И газетные материалы 1920–1930-х годов часто выступают источником такой контекстуальной наполненности.

Каков же информационный потенциал таких материалов? Его установление для отдельного издания составляет подчас трудоемкую задачу. Положительное решение требует умозаключений от источника в русле индуктивного построения. Это предполагает большую предварительную работу по накоплению, анализу и обобщению крупного объема сведений, содержащихся в массиве номеров данного издания за избранный период. Определение последнего может происходить по-разному, в частности с опорой на общепринятую периодизацию истории СССР. Иначе говоря, выяснение познавательных возможностей прессы требует комплексного подхода. Подчеркнем, что содержание региональной газеты как издания общественно-политической направленности всегда производно от условий развития советского общества в целом и соответствующего региона в частности.

Для раскрытия познавательных возможностей отдельно взятого печатного органа надлежит выявить особенности его предметно-тематического содержания за рассматриваемый период. В разное время газетная редакция могла проявлять повышенное внимание к тем или иным сторонам общественной жизни, что увеличивало количество соответствующих публикаций. Так, в 1920-х годах высокую актуальность имели задачи антирелигиозной борьбы. В связи с этим региональные газеты публиковали во множестве соответствующие материалы, различные по форме и содержанию: корреспондентские заметки, письма, карикатуры, фельетоны. Количество таких публикаций возросло накануне и во время религиозных праздников, особенно Рождества и Пасхи, которые продолжали по привычке справлять многие советские граждане. Пьяные гуляния и хулиганские выходки, часто допускавшиеся в разгар празднований, становились для газетчиков удобным поводом к обличению религиозных традиций [Ойротский край, 1929, № 52, с. 2]. В этих случаях речь отнюдь не шла о простом повторении богоборческих лозунгов, газетами приводились факты и разбирались обстоятельства, характеризующие образ мыслей и досужее поведение людей. Интересны сообщения о деятельности отдельных священнослужителей, как оставшихся в лоне церкви, так и отказавшихся от сана [Советская Сибирь, 1929, № 72, с. 4].

В ряде местностей объектом антирелигиозной борьбы становилось не только православное духовенство, но и представители народных верований. Так, например, алтайская и якутская печать изобличала шаманские практики с опорой на сообщения советских специалистов (в основном, врачей и просвещенцев), селькоров и советских работников. Примечательны письма и заявления самих служителей культа, отказывавшихся от прежних занятий и разоблачавших свое ремесло [Ойротский край, 1928, № 50, с. 1]. При неизбежной тенденциозности перечисленные материалы отражают явления и процессы, присущие развитию советского общества в период культурной революции, показывают черты его своеобразия в разных частях большой страны.

Еще один пример — противоправные деяния, о которых охотно сообщали некоторые газеты на протяжении 1920-х годов. Среди таких — газета «Советская Сибирь», освещавшая жизнь Ново-николаевска/Новосибирска и в целом Западно-Сибирского региона. В номерах издания содержится значительный объем сведений о преступлениях разного характера и направленности. Газета извещала о происшествиях, а также об итогах рассмотрения уголовных дел судами. Комплексный анализ тематических заметок помогает создать своего рода портрет городской преступности Новосибирска, выявить особенности его криминальной географии [Тихомиров, 2023].

Нужно заметить, что, в отличие от официальной документации, которая включала обобщенные сведения о количестве, характере и доле соотнесенности противоправных деяний, газетные материалы часто содержат любопытные бытовые подробности. Последние даны порой вскользь, но даже этого достаточно для обнаружения черт своеобразия повседневной жизни сибирской столицы. Так, упоминания о разнообразных преступлениях материального характера позволяют увидеть некоторые подробности вещественного окружения новосибирцев 1920-х годов, понять экономическую значимость отдельных предметов, выявить навыки повседневного поведения — структуры повседневности, согласно Ф. Броделю.

На протяжении недель или месяцев газета могла быть сосредоточена на одной или нескольких актуальных темах. Так, весной 1930 года редакции по всей стране были вовлечены в проведение смотра общественного питания, затеянного столичной «Правдой» [Власть труда, 1930, № 67, с. 3 ; Советская Сибирь, 1930, № 62, с. 4]. Смотр был призван выявить нарушения в работе местных столовых, буфетов и чайных и способствовать социалистическому обновлению быта. Для этой цели были мобилизованы местные рабкоры, а редакторы призывали население сообщать о своих наблюдениях за пороками в системе общепита; в некоторых газетах на время кампании утвердилась постоянная рубрика, освещавшая ее ход.

От региона к региону смотр длился по-разному, в среднем 1,5 месяца. За это время редакции местных газет успели накопить внушительный объем сведений, полученных от обследовательских бригад, рабкоров и деятельных граждан. Значительная их часть отражена в публикациях. Органы печати в данном случае выступили собирателями уникальной информации о состоянии дел в одной из неоднозначных областей народного быта.

В отличие от делопроизводственной документации, материалы периодической печати не содержали аналитических обобщений. Более того, их язык и стилистика нередко несут отпечаток субъективности. Например, указания на грубое поведение сотрудников общепита трудно оценить сколько-нибудь определенно — не ясно, на что обращал внимание автор и что для него было мерой вежливости. Вместе с тем определенный объем сведений представляет вполне конкретную информацию. Таковы сообщения об очередях в столовых и о времени, которое столующиеся тратили на их посещение [Власть труда, 1930, № 75, с. 3]. Авторы в разных изданиях говорят о проблеме, общей для многих (если не всех) регионов: скверная постановка работы общепита вела к тому, что рабочие либо не успевали принять пищу, либо опаздывали на рабочее место [Советская Сибирь, 1930, № 242, с. 3]. То же касается сведений о санитарном состоянии кухонь и обеденных помещений, прилегающей территории и коммуникациях [Там же, № 62, с. 3].

Надо отметить, что сбором указанных сведений с 1930 года занимались именно газетные редакции. Это говорит об отсутствии соответствующей по характеру информации в распоряжении управленческих инстанций — горкомов и выше. В ходе весеннего смотра общественного питания печатные органы делали акцент на необходимости выявлять огрехи в работе столовых и предлагать меры по их устранению, перестраивая тем самым быт советских граждан. Возглавляя такую работу, периодические издания сосредоточивали у себя в большом количестве материалы, которые подробно раскрывали содержание проблем в указанной области общественных отношений.

Говоря об устойчивом присутствии на страницах газет некоторой тематики в отдельный период, можно указать на публикацию рядом изданий писем от граждан. Среди них попадаются заявления, нередко носящие характер оправдания либо саморазоблачения с целью восстановления гражданских прав, обретения желаемого общественного положения. Поток откровений такого рода может косвенно свидетельствовать о том, что в определенной местности проходила массовая кампания по перевыборам сельсоветов, пересмотру списков лишенцев или хозяйств, индивидуально обложенных сельхозналогом и т. д. Так, ярославская газета «Северный рабочий» в первой половине 1930 года регулярно печатала объявления вроде следующих: «отказываюсь от своего отца как лишенца и всю связь с ним порываю» [Северный рабочий, 1930, № 69, с. 4]; «отказываюсь от отца-лишенца и живу своим трудом» [Там же, № 89, с. 4]; «заявляю, что порвал всякую связь со своим отцом и с 1929 года живу самостоятельно» [Там же, № 71, с. 4] и т. п. Отреченные письма регулярно публиковались с начала февраля по начало мая, после чего пропали со страниц газеты так же, как появились. Часто встречающееся указание, что писавший живет или желает жить своим трудом (вариант — самостоятельно), может указывать на то, что люди стремились опровергнуть свою причастность к так называемому кулачеству, главным признаком которого считалась эксплуатация чужого труда.

Находили отражение в прессе и некоторые социально-политические тенденции, свойственные периоду нарастания диктатуры пролетариата. Анализ обращений граждан в редакции региональных газет позволяет собрать массив количественных данных, на основе которых можно сделать выводы о колебании общественных настроений в отдельных районах и косвенно определить спровоцировавшие их факторы. Такого рода информация может служить подспорьем для исследований, посвященных становлению и развитию политических практик советской власти в 1920–1930-х годах.

Большое количество сообщений на страницах региональных газет в интересующий нас период исходило непосредственно от обывателей, отражая факты их обыденной жизни. В последнем не приходится сомневаться, поскольку заметки рабоче-крестьянских корреспондентов, как правило, лишены отвлеченных посылов и сосредоточены на вполне определенных явлениях и событиях. Авторы нередко бывали избирательны в освещении действительности и давали предвзятые оценки отдельным ее сторонам. Однако это не отменяет их связи с конкретными вещественными и психическими проявлениями повседневности.

Например, сообщения селькоров о проникновении религиозности в общественные отношения, будучи насыщены пропагандистской риторикой, тем не менее запечатлели ряд особенностей провинциальной жизни, которые становились невымысленным поводом для обращений в газету. И ценность последних состоит в том, что даже из-под нагромождений революционной фразеологии в них проступают характерные черты общественного сознания и быта, позволяющие понять культурное своеобразие региона и эпохи в целом.

Примечательна заметка в газете «Советская Якутия» от 1924 года о комсомольцах, разыгравших накануне Пасхи суд над попом и шаманом. Перед нами пропагандистское действо, никак не отражающее состояния религиозных отношений в местных сообществах. Его ценность в другом — в изображении того, как большевистские просветители понимали степень вреда, наносимого обществу представителями разных верований. «Приговор», венчавший постановку, гласил: «попа расстрелять, а шамана лишить свободы на 10 лет со строгой изоляцией» [Автономная Якутия, 1924, № 109, с. 2]. Невзирая на резкую критику шаманства как пагубного пережитка, советские общественники Якутии видели его меньшим злом, нежели православное священство: по их представлениям, церковь занималась целенаправленным «одурманиванием» и эксплуатацией трудящихся, в то время как шаманы действовали по своему невежеству и культурной отсталости. Данный пример показывает, как в газетных материалах отображался образ мышления людей эпохи, их способ восприятия окружающей действительности.

Во многих публикациях вовсе отсутствует идейная подоплека, они сосредоточены сугубо на бытовых вопросах. Таковы, к примеру, заметки в газете «Сталинский путь» (за 1930-е годы), посвященные проблемам школьного образования в Тайгинском районе Западно-Сибирского края [Тихомиров, 2023]. Немало среди них писем учеников и школьных работников, поднимающих насущные вопросы о работе учебных заведений и привлекающих внимание к условиям труда и быта педагогов, вещественной оснащенности школ.

На материалах таких публикаций возможно воспроизведение того социально-культурного контекста, который характеризует микроуровень общественной системы в определенный момент развития. Благодаря именно такого рода информации возникает возможность «плотного описания» исторической действительности как основы осуществления историко-антропологического подхода в исследовании прошлого.

Заключение

Итак, что можно с определенностью утверждать об информационном потенциале советских региональных газет периода 1920–1930-х годов?

Периодическая печать этого времени не является тенью официальной документации либо ущербным подобием исторической действительности, преломленной в идейно-ориентированном дискурсе. Газета в известных условиях может выступать в качестве самостоятельного источника, позволяющего исследовать определенные стороны исторической действительности. Эти условия задаются подходом к определению предмета познания и методологической платформой исследования. Безотносительно данных параметров рассуждения о познавательных возможностях прессы утрачивают смысл. И наоборот, формулирование научной проблематики в русле историко-антропологической парадигмы позволяет осмыслить периодическую печать как высокоинформативный источник, дающий сведения того качества, которые необходимы для воспроизведения исторической действительности на ее микроуровне, в человеко-размерном масштабе.

Помимо субъективно-относительных суждений, газетные публикации содержат немало конкретных свидетельств о фактах обыденной жизни, что позволяет говорить о присущем им качестве документальности. Это касается явлений как материального, так и психического порядка: со-

общения в прессе отражают не только вещественную обстановку, характерные формы быта, но и присущие той либо иной эпохе способы отражения действительности в сознании обывателей.

В предложенной статье мы рассмотрели региональные газеты 1920-х — 1930-х годов, содержание которых было производно от общественных процессов, специфичных для данного десятилетия. Переносить выводы об информационном потенциале некоторого издания, выходившего в этот период, на позднейшее время представляется методологически неверным. Содержание и характер публикаций газет в советской России середины и конца XX века существенно отличались от того, что представляют материалы периодики первой послереволюционной декады. Вместе с тем полагаем, что общие выводы работы позволяют наметить пути интенсификации включения советской периодики в научный оборот, в частности в контексте дальнейшего развития антропологически ориентированных направлений в исторических исследованиях.

Список источников

1. Автономная Якутия : ежедневн. газ. — 1922. — № 70 ; 1923. — № 144 ; 1926. — № 124 ; 1929. — № 5.
2. Власть труда : ежедневн. газ. — 1930. — № 67, 75.
3. Гирц К. Интерпретация культур. — М. : РОССПЭН, 2004. — 560 с.
4. Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // История — нескончаемый спор. — М. : РГГУ, 2005. — С. 436.
5. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники российской истории : учеб. пособие для гуманитар. спец. — М. : РГГУ, 1998. — 702 с.
6. Каменская Е. В. Советские газеты как исторический источник: специфика и возможности использования // Человек, общество, власть. К 100-летию российской революции 1917 года : сб. науч. ст. — Екатеринбург : УрФУ, 2017. — С. 37–44.
7. Керженцев П. М. Газета. Ее организация и техника. — М. : Изд-во ВЦИК Советов Р. С. К. и К. депутатов, 1919. — 160 с.
8. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. — М. : Новое литературное обозрение, 2015. — 488 с.
9. Ойротский край : ежедневн. газ. — 1928. — № 50 ; 1929. — № 52.
10. Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история : ежегодн. 2007. — М. : Политическая энциклопедия, 2008. — С. 9–21.
11. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2014. — № 1. — С. 7–21.
12. Северный рабочий : ежедневн. газ. — 1930. — № 69, 71, 89.
13. Советская Сибирь : ежедневн. газ. — 1929. — № 72 ; 1930. — № 62, 242.
14. Тихомиров Н. В. Повседневность провинциальной школы 1930-х гг. по материалам газеты «Сталинский путь» (г. Тайга) // СибСкрипт. — 2023. — Т. 25, № 3. — С. 297–306.
15. Тихомиров Н. В. Повседневность Новосибирска в отражении сводок происшествий (по материалам газеты «Советская Сибирь» 1924–1929 годов) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2023. — № 4 (81). — С. 38–47.
16. Шлэгель К. Террор и мечта. Москва 1937. — М. : РОССПЭН, 2011. — 742 с.
17. Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. — М. : РГГУ, 1997. — 612 с.
18. Ярмолич Ф. К. «Россия, начиная с 1917 года, представляет собой загадку, которую мы тщетно пытаемся разгадать» (Советская цензура на Северо-Западе СССР в 1920 — 1930-е гг.). — СПб. : Северная звезда, 2017. — 126 с.

References

1. *Avtonomnaya Yakutiya: yezhedn. gaz.* [Autonomous Yakutia: daily newspaper]. 1922, iss. 70; 1923, iss. 144; 1926, iss. 124; 1929, iss. 5. (In Russian).
2. *Vlast truda: yezhedn. gaz.* [Power of labor: daily newspaper]. 1930, iss. 67, 75. (In Russian).
3. Girtz K. *Interpretatsiya kultur.* [Interpretation of Cultures]. Moscow, ROSSPEN, 2004, 560 p. (In Russian).
4. Gurevich A. Ya. On the crisis of modern historical science. *Istoriya – neskonchayemyy spor.* [History is an endless dispute]. Moscow, RSUH, 2005, p. 436. (In Russian).

5. Danilevsky I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rummyantseva M. F. *Istochnikovedeniye. Teoriya, istoriya, metod. Istochniki rossiyskoy istorii: ucheb. posobiye dlya gumanit. spets.* [Source studies. Theory, history, method. Sources of Russian history: a textbook for humanities specialists]. Moscow, RSUH, 1998, 702 p. (In Russian).
6. Kamenskaya E. V. Soviet newspapers as a historical source: specifics and possibilities of use // Man, society, power. On the 100th anniversary of the Russian revolution of 1917: collection of scientific articles. Yekaterinburg, UrFU, 2017, Pp. 37–44. (In Russian).
7. Kerzhentsev P. M. *Gazeta. Yeye organizatsiya i tekhnika.* [Newspaper. Its organization and technology]. Moscow, All-Russian Central Executive Committee of Soviets of the Republic of Belarus and the Communist Party of Kazakhstan Publ., 1919, 160 p. (In Russian).
8. Leбина N. B. *Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii. Ot voyennogo kommunizma k bolshomu stilu.* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From military communism to the grand style]. Moscow, New literary review, 2015, 488 p. (In Russian).
9. *Oyrotskiy kray: yezhedn. gaz.* [Oyrotsky Krai: daily newspaper]. 1928, no. 50; 1920, no. 52. (In Russian).
10. Pushkareva N. L. History of everyday Life: the subject and methods. *Sotsialnaya istoriya: yezhegodnik 2007.* [Social History: Yearbook]. 2007. Moscow, Political encyclopedia, 2008, pp. 9–21. (In Russian).
11. Pushkareva N. L., Lyubichankovsky S. V. Understanding the history of everyday life in modern historical research: from Ecole des Annales to the Russian Philosophical School. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina.* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. 2014, iss. 1, pp. 7–21. (In Russian).
12. *Severnyy rabochiy: yezhedn. gaz.* [Worker of the North: daily newspaper]. 1930, iss. 69, 71, 89. (In Russian).
13. *Sovetskaya Sibir: yezhedn. gaz.* [Soviet Siberia: daily newspaper]. 1929, iss. 72; 1930, iss. 62, 242. (In Russian).
14. Tikhomirov N. V. Everyday life of a provincial school in the 1930s, based on the newspaper “Stalin’s Way” (town of Tayga). *SibScript.* [SibScript]. 2023, vol. 25, iss 3, pp. 297–306. (In Russian).
15. Tikhomirov N. V. Everyday life of Novosibirsk as reflected in incident reports (Based on the newspaper “Soviet Siberia” of 1924–1929). *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina.* [Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2023, iss. 4 (81), pp. 38–47. (In Russian).
16. Schloegel K. *Terror i mechta. Moskva 1937.* [Terror and Dream. Moscow 1937]. Moscow, ROSSPEN, 2011, 742 p. (In Russian).
17. Schmidt S. O. *Put istorika: Izbrannyye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii.* [The Historian’s Path: Selected Works on source studies and historiography]. Moscow, RSUH, 1997, 612 p. (In Russian).
18. Yarmolich F. K. “Rossiya, nachinaya s 1917 goda, predstavlyayet soboy zagadku, kotoruyu my tshchetno pytayemsa razgadat” (*Sovetskaya tsenzura na Severo-Zapade SSSR v 1920 1930-ye gg.* [“Since 1917, Russia has been a riddle that we have tried in vain to unravel.” (Soviet censorship in the North-West of the USSR in the 1920s and 1930s)]. St. Petersburg, Severnaya Zvezda, 2017, 126 p. (In Russian).

Информация об авторе

Тихомиров Никита Вадимович — кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Сфера научных интересов: историческая антропология, история повседневности, история России XX–XXI веков, источниковедение российской истории, теория и методология истории.

Information about the author

Tikhomirov Nikita Vadimovich Candidate of History, Associate Professor of the Department of Source Studies of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities.

Research interests: historical anthropology, history of everyday life, history of Russia in the 20th–21st centuries, source studies of Russian history, theory and methodology of history.

Статья поступила в редакцию 24.02.2024; принята к публикации 31.10.2024.

The article was submitted 24.02.2024; accepted for publication 31.10.2024.